

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: ОГРАНИЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

О.С. Сухарев

Институт экономики РАН, г. Москва

Рассмотрены проблемы экономического роста в России и логика проведения экономической политики, стимулирующей его. Продемонстрировано наличие «структурного парадокса» и рассмотрены аспекты, выступающие ограничителями экономического роста. Выполнен анализ, позволяющий учесть институциональные, демографические и экологические факторы развития экономической системы и сделать политику стимулирования экономического роста более эффективной.

ВВЕДЕНИЕ. НУЖНА ЛИ КОРРЕКЦИЯ ПОЛИТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ?

Согласно заявлению министра экономического развития и торговли РФ, сделанному на заседании Правительства РФ 19 апреля 2007 г. [1] рост доходов населения в первом квартале 2007 г. составил 13 % (за этот же период 2006 г. — 7 %), рост средней заработной платы — 18,4 %. Это, по мнению Министерства, вызывает сильную обеспокоенность, поскольку, прежде всего, рост заработной платы в 2 раза превышает рост производительности труда. Кроме того, по данным Росстата, объем промышленного производства за 2006 г. увеличился всего на 3,9 %, что при опережающем росте издержек означает снижение эффективности растущей производственной системы. Последнее обстоятельство отрицательно скажется как на темпах роста, так и на его качестве, включая и характеристику структурных изменений, а также на возможностях их управляемого осуществления.

Кроме того, в промышленности наблюдается интересное явление — дефицит трудового потенциала, который выражается в нехватке целых групп рабочих профессий и инженерно-технических работников соответствующей квалификации. Этот дефицит, с одной стороны, приводит к давлению в направлении повышения заработной платы, но, с другой, ограничивает возможности промышленного роста. Перетекание рабочих с одних

предприятий на другие сопровождается, в общем-то, с их стороны шантажом высшего менеджмента по поводу повышения фактически незаработанной ими заработной платы. Таким образом, процветание одних производств происходит за счет непосредственного разрушения других, и это разрушение принимает вид вымывания рабочей силы. Возможности же повышения заработной платы фактически определяются размерами заказов и их выгодностью для предприятия. Одновременно, разумеется, присутствуют и элементы оппортунизма¹ в переманивании рабочих и инженерных кадров с одних предприятий на другие.

Безусловно, такое «отрицательное» качество экономической структуры не позволит ей расти достаточно высокими темпами, не позволит осуществлять инновации и конкурировать на внутреннем рынке новых продуктов и результатов. Аспект качества экономической структуры оказывается куда важнее и весомее, нежели аргумент, что перечисленные обстоятельства будут способствовать увеличению рисков ускорения инфляции. Кстати, Министерство экономического развития и торговли РФ настойчиво вынашивает планы сни-

¹ Например, невыполнение взятых на себя обязательств по ставке заработной платы либо применение значительного размаха шкалы ставок заработной платы (метод ухищрений), например, от 8 до 25 тыс. руб. Однако верхний потолок или близкие к нему значения вряд ли будут гарантированы в практическом плане.

жения инфляции с 10—12 % в год до 6—7 %, продолжая связывать уровень инфляции с чисто монетарными факторами. Подобные намерения, обретающие вид установки макроэкономической политики Правительства, соседствуют с вполне осознанными и адекватными целями, в частности: переход к инновационной траектории развития российской экономики, повышение качества человеческого капитала и конкурентоспособности отечественных производств, развитие транспортной и энергетической инфраструктуры, состояние которых уже сегодня существенно ограничивает рост экономики.

По существу, имеются всего два варианта развития — «сырьевой» и «инновационный». Однако для организации последнего необходимо постоянно повышать качество образования. Необходимо планомерно создавать инфраструктуру этого внутреннего рынка по различным видам деятельности инновационной экономики, опирающейся на высокотехнологичные производства. Решение таких задач с необходимостью выводит тип макроэкономического мышления за грань общетеоретических представлений об инфляции и экономическом росте.

Еще в январе 2005 г. РИА «Новости» со ссылкой на министра экономического развития и торговли РФ Г. Грефа сообщало, что «по прогнозным расчетам необходимые изменения в структуре производства могут произойти не раньше, чем к 2011 году». В начале 2006 г. в материалах МЭРТ отмечалось, что относительно невысокий темп роста промышленности вызван снижением динамики сырьевых отраслей, не способных в долгосрочной перспективе развиваться темпами выше 2—4 %.

Между тем, заметного роста в обрабатывающих отраслях не наблюдается. Не сбился прогноз роста промышленного производства в 2006 г. на 5,7 % (фактически рост составил 3,9 %). При этом вклад сырьевых отраслей в экономический рост России по оценкам самого Министерства составляет примерно 78 % и только к 2009 г. может понизиться до 72 %, что также представляется весьма высоким показателем (информация с сайта www.rbc.ru). Интересно отметить, каким был рост в нефтехимической промышленности России в период 2001—2006 гг. Так, индекс роста производства в процентах к предыдущему году составлял в 2001 г. — 106,5 %, 2003 — 104,4, 2005 — 108,4, 2006 — 107,2 %.

Индекс роста производства инновационной продукции по отношению к предыдущему году составил в 2001 г. — 3,2 % и затем постоянно рос до 18, 2 % в 2006 г. Возросли затраты и на технологические инновации. Коэффициент обновления основных фондов за последние пять лет почти не изменился — с 0,8 до 0,7, степень износа фондов возросла с 58,4 до 59,1 %, рентабельность продук-

ции постоянно снижалась с 12,5 до 10,6 % (по данным Госкомстата РФ).

Важный аспект развития экономики заключается в том, что ставка рефинансирования составила 10,5 % (с 23 октября 2006 г. — 11 %, а ранее была еще выше), а с 19 июня 2007 г. стала равна 10 %. При этом, например, даже нефтехимическая промышленность, имеющая довольно сильные экспортные позиции, функционирует в условиях «предела рентабельности». Под этим нужно понимать ситуацию, когда рентабельность сравнима со ставкой рефинансирования, что означает невозможность своевременного погашения кредитов банков, взятых для нужд производства. Именно такое соотношение процента по кредитам и рентабельности производств делает экономическое развитие российского хозяйства заведомо неэффективным.

Более подробное объяснение неэффективности роста и торможения структурных изменений, которые по каким-то причинам сами должны произойти к назначенному сроку, с позиции Министерства, состоит примерно в следующем. Поскольку в экономике доминируют отрасли топливно-энергетического комплекса, металлургии и АПК, которые не могут расти темпом выше 5 %, постольку сложившаяся структура экономики и сформировавшиеся институты не позволят ей расти темпом выше 5—6 % в год, а для удвоения ВВП якобы необходим рост свыше 7 %. Такую динамику могут дать отрасли пищевой, химической, легкой, лесной промышленности, строительных материалов, отдельные машиностроительные секторы и высокотехнологичный комплекс. Но именно они в структуре российской экономики занимают долю менее трети, что явно недостаточно, чтобы стать локомотивом экономического роста. Общий итог подобных рассуждений касался необходимости развития малого и среднего бизнеса, который успешнее всего будет развиваться именно в этих секторах хозяйства, что и позволит достичь темпа более 7 % в год и обеспечить реализацию конечной цели — удвоение ВВП.

Действительно, за последние два года средние темпы экономического роста в России составили 6—7 %. Совершенно адекватная констатация причин, не позволяющих экономике выйти на темп развития выше 7 %, соседствовала с неверным объяснением как структурных изменений, так и предлагаемых рецептов развития малого и среднего бизнеса. При этом ставку на стимулирование малого и среднего бизнеса как панацеи эффективных структурных преобразований и высокой динамики экономического роста с научной точки зрения вряд ли можно рассматривать строго обоснованной. Ошибочность применения представленной выше логики, а также использования ее в качестве ориентира мероприятий экономической политики и принятия законодательных актов,

представляется очевидной в силу следующих четырех обстоятельств:

- объяснения природы структурных изменений, особенностей конкуренции и максимизирующего прибыль поведения экономических игроков;
- масштаба, продолжительности структурных изменений в аспекте демографического и экологического эффектов экономического роста;
- качества макроэкономических решений — их согласованности с задачами обеспечения экономического роста (поддержания темпов) и осуществления «структурного маневра»;
- «структурного парадокса», который присутствует в российской экономике и оказывает серьезное влияние на ее рост и развитие.

Остановимся на каждом из этих обстоятельств подробнее.

1. О ПРИРОДЕ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ, КОНКУРЕНЦИИ И ПРИБЫЛИ

Изменения в структуре экономики имеют генетическую и телеологическую природу. Как правило, имеются два мощнейших генератора подобных изменений: объективно сложившаяся система институтов и социально-экономических пропорций, обуславливающих пределы и возможности хозяйственной трансформации, а также целенаправленные воздействия в рамках экономической политики, отражающие целесообразную экономическую динамику, необходимость удовлетворения определенных потребностей, осуществления общественного выбора, решения приоритетных задач. Поэтому изменения в структуре экономики не происходят сами по себе, как не происходит самопроизвольного перелива ресурсов и изменения потребностей.

Управление структурными изменениями требует создания и развертывания в экономике таких стимулов хозяйственной деятельности, которые бы воссоздавали необходимую, целесообразную для общества пропорцию между ее элементами. Более того, законодательное оформление таких стимулов может привести к замедлению темпа экономического роста, но сам рост уже будет иного качества, т. е. в его основе будут находиться совершенно иные, продуктивные стимулы. Так, мотивация инвестора при принятии решения состоит в получении наибольшего дохода на единицу своих вложений при приемлемом риске. Он может ориентироваться и на меньший риск при относительно невысоком доходе.

Довольно вероятна ситуация, когда различные структуры вложений по одним и тем же объектам воспроизведут одно и то же сочетание совокупного дохода и риска, обостряя тем самым проблему инвестиционного выбора (математически такой результат показан в работе [2]).

В основе такого выбора лежит управленческое решение, т. е. сугубо распорядительное действие, куда направлять ресурсы. Именно этот выбор и решение, с одной стороны, детерминированы уже сложившейся пропорцией между элементами (объектами) экономической системы, но, с другой стороны, определяют дальнейшие изменения хозяйственной структуры.

В теории инвестиций принято считать, что инвестор ориентируется на извлечение максимально возможной прибыли при реализации каких-то проектов. Этот мотив поведения трактуется в экономической науке, особенно в прикладных дисциплинах, как важнейший фактор предпринимательской психологии, двигатель всей рыночной экономической системы. Многие довольно известные экономисты рассматривали спецификацию, а затем и институты защиты прав собственности как основополагающие механизмы, задающие максимизирующий прибыль мотив поведения.

В качестве мотива, который противостоит поведению, ориентированному на извлечение прибыли, выступает форма «рентоориентированного поведения» [3]. Этот тип поведения связан с реализацией субъектом своего монопольного положения в чем-либо. Методы присвоения ренты сводятся к спекуляции, получению льготных кредитов, выгодам от процедур приватизации, экспортно-импортным субсидиям. Экономические агенты из любого действия пытаются извлечь ренту подобно людям искусства, которые получают ренту за свою популярность и пользуются неэластичным спросом на продукт своего труда, напоминая наркомафию, использующую неэластичный спрос на наркотики, возникающий вследствие эффекта физиологической зависимости. Когда «рентоориентированное поведение» охватывает все сферы человеческих отношений, то оно представляет собой серьезную угрозу дальнейшему развитию общества, подрывает его социальные основы.

Следует не согласиться с А. Ослундом, заявлявшим [3], что «рентоориентированное поведение»² пойдет на спад в связи с развитием рынка и демократии. Он утверждал, что размер ренты резко сократился с 80 % ВВП в 1992 г. до уровня 10 % к концу 1995 г. По его мнению, коррупция и рэкет остались неизменными, «рента» от приватизации и недвижимости не учитывалась в обоих случаях, а вот дотации в экспортно-импортных операциях и субсидирование процентной ставки были либо отменены, либо сократились. Сегодняшние оценки уровня коррупции в России охватывают диапазон от 40 до 100 % ВВП.

² Заметим, что оно шире, чем поиск политической ренты, т. е. охватывает еще отношения, не связанные с государственной бюрократией.

Но раз рента от приватизации и недвижимости не учитывалась, то это не означает, что она не менялась. Распределение квот и пошлин, введение акцизов, льготного налогообложения, распределение бюджетных средств на поддержку инвестиционного климата в стране, принятие целевых федеральных и региональных программ, организация «национальных проектов» создают благодатную почву для приобретения такой ренты.

И, наконец, самый главный вопрос: способно ли «прибылеориентированное поведение» вытеснить «рентоориентированное». Если прибыль есть разница между доходами, полученными агентом от продажи товара на рынке, и расходами, понесенными субъектом в связи с производством и продажей товара или услуги, т. е. остаточный доход, то почему ориентация на ее получение создает более перспективную модель поведения по сравнению с рентоориентированным? Вопрос должен свестись к следующей формулировке: не порочна ли сама прибыльная парадигма? «Наиболее значительным признаком прибыли предприятия является, возможно, не только ее остаточный характер, что часто подчеркивается, но и тот факт, что она настойчиво обращается к самым различным проявлениям человеческой психики. Прибыль мобилизует и лучшее, и худшее во имя экономической эффективности. Она неопределенна и может терять свое значение, даже если является стабильной и ограниченной. Она формируется в точках соприкосновения творческого предвидения, точных наблюдений и конъюнктурных случайностей. Она никогда не определяется количественно, важна прежде всего ее форма. Потому что форма этого дохода приводит в движение инстинкты приобретательства, инстинкт власти, инстинкт творчества, а возможно, даже инстинкт альтруизма»³.

Еще в 1951 г. в Американском экономическом журнале появилась статья Ж. Маршала, в которой автор утверждал, что чистая прибыль не соответствует ничему реальному [5]. Мне бы хотелось реанимировать эту точку зрения, несмотря на то, что она выразила несогласие среди различных экономистов и, в частности, таких как Р. Барр [4, с. 191], который, кстати сказать, не приводит убедительных аргументов по поводу своего несогласия. В действительности, по факту экономической жизни, прибыль мало того, что является остаточным показателем, но она не отвечает ничему реальному, так как ее назначение и тем более присвоение и распределение подвергается часто воздействию случайных факторов.

В экономической теории существует несколько подходов к определению понятия «прибыль». Субъективные теории прибыли объясняют ее через деятельность предпринимателя: как возна-

граждение за нововведения — у Й. Шумпетера, за риск, а точнее, за лидерство, приспособление к переменам и взятие на себя «тягот непредсказуемости» — у Ф. Найта. Объяснение прибыли условиями экономической среды сводятся к институциональным, структурным и конъюнктурным факторам — объективные теории прибыли. Институциональное объяснение прибыли восходит к марксовой теории «прибавочной стоимости» и эксплуатации, когда прибыль — проявление функционирования капиталистических институтов.

Структурное объяснение связано с возможностями получения прибыли в условиях разных рыночных структур. Так, модель чистой конкуренции обнуляет прибыль из-за того, что в долговременном периоде предельные издержки равны предельному доходу, который равен цене, и средние издержки равны цене, т. е. предельному доходу, обеспечивая производственную и аллокативную эффективность. В связи с этим, довольно проблематично, провозглашая стратегию развития рынка и конкуренции, необходимость стимулирования малого и среднего предпринимательства и конкурентной среды, т. е. фактически поощряя стремление к нулевой прибыли, одновременно говорить о целесообразности снижения налога на добавленную стоимость при сохранении налога на прибыль либо его относительно меньшем снижении (в сравнении с налогом на добавленную стоимость).

Автору неоднократно приходилось предлагать экстремальную меру, по крайней мере, на период трансформации и восстановительного роста — фактически обнулить налог на прибыль и тем самым повысить значимость этого во многом виртуального показателя, который, тем не менее, служит важным символом рыночной (монопольной) власти, а значит, характеризует экономическую структуру, направления ее динамики, процесс инвестирования и капитализации [2]. Реализация подобного предложения позволила бы легально повысить роль и значение акционерного капитала и акционерной собственности, инструментов дивидендной политики. Данный механизм начал бы работать, что в целом стимулировало бы инвестиционный процесс в России и способствовало эффективным структурным изменениям.

Реальная конкуренция — монополистична, и различие между полной стоимостью продукта и суммой предельных доходов образует прибыль. Конъюнктурное объяснение сводится к случайной прибыли, полученной вследствие колебаний экономической активности. Каковы бы ни были объяснения, сложность понятия «прибыль» скрыта в моделях поведения экономического агента, в экономической динамике.

Как видим, перед Россией стоит важная задача — как распорядиться «прибыльной парадигмой»? Согласиться ли с ее властью, что практически и

³ Слова принадлежат Ф. Перру. Цит. По книге [4, с. 201—202].

происходит повсеместно, придавая даже нерыночным секторам «рыночный» облик (правоохранительная система, социальная защита населения, армия) и, таким образом, выводя существенную часть трансакций из законного поля? Либо существует иной вариант: ставить задачи развития и не полагаться на то, что поощрение максимизирующего прибыль поведения является единственным и спасительным инструментом развития экономики. Тем более, что, например, «дилемма заключенных» наглядно показывает, что стремление максимизировать личную выгоду в условиях асимметричной и ограниченной информации чревато большими издержками, нежели отсутствие подобного стремления в аналогичных условиях.

Важнейшей чертой современного типа экономического роста выступает сокращение доли материального производства в общественном продукте, но такое, которое происходит при опережающем росте производительности. В частности, в США в 2003 г. наблюдался значительный рост производительности труда, что способствовало росту заработной платы и прибыли корпораций, однако при ускорении экономического роста существенных изменений в занятости не происходило.

Таким образом, в смысле оценки экономической структуры, возникает новая ситуация, при которой рост экономики не способствует росту числа рабочих мест в силу опережающих технологических изменений и роста производительности труда. Возросшая заработная плата исполняет роль «институционализатора» данного состояния, т. е. не способствует росту занятости и сокращению безработицы. Единственное условие, когда станут возможными позитивные изменения в занятости, состоит в появлении новых сфер деятельности и хозяйственных секторов.

Иными словами, только структурная политика, планомерно и нацеленно формирующая подобные изменения, способна повлиять на занятость и средний уровень доходов. Снижение учетной ставки процента и налогового бремени на бизнес, а именно такая политика проводилась в последние годы в США⁴, обеспечивает сокращение размаха рецессии, принимающей вид замедления темпа экономического роста, так что отдельные секторы национального хозяйства не успевают ощутить сокращения продаж и прибылей. Как видим, структурные изменения затрагивают не только качественное содержание экономической системы и особенности ее возможных состояний, но и обеспечивают необходимость изменения экономико-

политического инструментария, который уже не может не учитывать закономерностей самих изменений хозяйственной структуры.

2. МАСШТАБ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Стремление дожидаться структурных изменений, подчиненных задаче удвоения ВВП, неверно по своей постановке, ибо реализация такого поведения может произойти совсем не благодаря качественным улучшениям хозяйственной структуры, а из-за ее ухудшения либо вследствие наличия искажающих институтов статистического учета элементов ВВП. Известно, что, например, рост фармацевтической промышленности может быть обусловлен старением населения, высоким уровнем заболеваемости вследствие, например, постоянно ухудшающейся экологической обстановки в отдельных районах или регионах мира и (или) по причине того же старения либо высокой аварийности в экономике.

С одной стороны, этот рост необходим в качестве меры сопротивления старению, болезням, а также ликвидации последствий аварийности и неустроенности инфраструктуры (в частности, транспортной), чтобы противодействовать сокращению активной части трудового потенциала.

С другой стороны, он является индикатором неблагоприятной ситуации, такого роста, который происходит из-за увеличивающейся напряженности в социально-экономическом развитии страны и не приводит к облегчению тягот жизни людей. Если люди больше болеют, если в стране увеличивается число инвалидов, высока смертность, то взнос фармацевтической промышленности в общий показатель роста, конечно, будет весомым и увеличится.

Однако, в действительности, обществу выгоднее не иметь такого роста, так как по существу этот рост вызван негативной направленностью структурной динамики экономической системы или ее отдельных элементов (возрастная структура, демографический фактор, социальное неравенство, низкий уровень технологического оснащения экономики и др.). Иными словами, данный рост представляет собой итог закрепления неэффективной структуры — старое население, живущее в основном на доходы, получаемые от продажи сырья.

Еще одной важной характеристикой роста выступает его движущий фактор. Экономический рост может происходить на основе технологического лидерства либо благодаря преимуществам в развитии отдельных отраслей, факторальным преимуществам, в частности, когда страна обладает запасами каких-либо полезных ископаемых или

⁴ Такие инструменты стимулирования экономического роста давно очень популярны в США, особенно это касается изменений в налоговой системе, которые осуществлялись в данном направлении со времен «рейганомики».

иным относительно дешевым фактором производства, как Китай — рабочей силой. Но такие два типа экономического роста серьезно отличаются по своему структурному содержанию.

Согласно докладу американского стратегического центра «RAND Corporation» «Глобальная технологическая революция — 2020», глобальное технологическое лидерство в ближайшие 15 лет будут определять США, Япония, ЕС, Канада, Тайвань, Австралия, а России отводится незавидное место, обуславливающее якобы задачи не создания, а только лишь использования технологического потенциала.

Следовательно, страны разделятся фактически на две группы: те, которые обеспечивают производство новых технологий и распространяют их по миру (законодатели технологической моды), и те, которые пользуются этими технологиями и воспроизводят какой-то продукт с их помощью. Некоторые страны могут занимать и промежуточное положение, обладая отдельной или несколькими прорывными «пионерными» технологиями. Впрочем, это никак не меняет подхода к выделению двух контрастных групп.

Безусловно, в последнем случае могут осуществляться и какие-то инновации улучшения этих прорывных технологий, но потребуются колоссальные усилия (затраты), чтобы страна из второй группы перешла в первую. Эти затраты как раз связаны с осуществлением «разрыва» структурной зависимости. Более того, осуществить подобную трансформацию, особенно когда налицо преобладание сырьевой ориентации страны, возможно исключительно путем консолидации элементов национального богатства страны и организации системы институтов, поощряющих их эффективное использование с явной нацеленностью на технологическую модернизацию.

Для решения такой задачи психологически очень важно суметь отказаться от необходимости поддержания высоких темпов роста и целей удвоения некоторых показателей, скорее сосредоточившись на обеспечении как можно более равномерного распределения прироста ВВП и величины самого национального продукта, одновременно создавая стимулы для создания новых высокотехнологичных производств и проведения структурных изменений экономики.

Фетишизация «экономического роста» как цели социального развития опасна потому, что современный рост несет с собой ряд серьезных опасностей для человеческого общества. Так, согласно докладу организации по сохранению природы «World Wildlife Fund», опубликованному в 2004 г., человечество потребляет на 20 % больше природных ресурсов, чем может произвести Земля [6]. Более того, прямым следствием возросшего спроса на пищу, материалы, энергию и пресную воду яв-

ляется сокращение численности популяций животных, обитающих на земле и в воде за период 1970—2000 гг. соответственно на 30 и 50 % [6].

Таким образом, экономический рост в глобальном масштабе представляется феноменом, который помимо положительных проявлений несет с собой буквально катастрофические последствия. Это выражается в абсолютной растрате природного капитала, причем со скоростью, превышающей скорость его восстановления. Ведущие страны мира, помимо внутреннего и внешнего долга, накапливают за последние два столетия экологический долг, который к тому же довольно велик по объему и требует неукоснительного погашения. Изменение климата может стать необратимым изменением, приносящим отрицательные последствия для хозяйственного функционирования человеческого общества, если до 10 % мирового ВВП не будет тратиться правительствами на погашение этого долга. Общий ущерб от климатологических изменений может составить до 150 трлн. долларов [7].

В последнее время появились исследования, в которых отмечается стабилизация численности населения мира [8]. В частности, стало общепринятым представление, что до 2000 г. население планеты росло с нарастающим темпом, а затем прирост начал уменьшаться. Иными словами, численность населения Земли, как ожидается, стабилизируется на уровне 10—12 млрд. чел.

Главная же идея объяснения экономического роста на основе демографического фактора состоит в том, что само человечество определяет характер роста, причем важны в этом даже не столько возможность размножения и способности людей, наличие ресурсов, сколько обмен и распространение информации [8]. Обращая внимание на привлекательность подобного объяснения, которое противопоставляется принципу Томаса Мальтуса, согласно которому именно ресурсы задают пределы роста, не следует все же забывать, что определенное число людей, живущих на земле, потребляет безвозвратно определенный объем ресурсов.

Даже если численность мирового населения не будет расти совсем, а только лишь будет воспроизводиться на одном и том же уровне, то в среднем каждые 70—80 лет на планете будут появляться новые 10—12 млрд. чел., потребляющих объем N ресурсов, тогда всего за 140 лет будет потреблен объем 2^N , при условии, что потребности не увеличатся и не снизятся. Поэтому получить какое-то более или менее точное описание и объяснение складывающейся ситуации совершенно не означает решения вопроса относительно снижения негативных аспектов экономического роста, имеющего, помимо демографической, еще и институциональную основу, связанную с тиражированием и расширением потребностей, которая в свою оче-

Экономический рост в странах G-8 (валовой внутренний продукт в международных сопоставимых ценах, включая региональные агрегаты, по расходам, цены и паритеты покупательной способности 2000 г.)

Страна	Год														
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Великобритания	-1,4	0,3	2,4	4,4	2,9	2,7	3,2	3,2	3,0	4,0	2,2	2,0	2,5	3,2	1,8
Франция	1,2	1,9	-1,0	2,1	2,4	1,1	2,4	3,6	3,3	4,1	2,1	1,2	0,8	2,3	1,5
Германия	5,1	2,2	-0,8	2,7	1,9	1,0	1,8	2,0	2,0	3,2	1,2	0,1	-0,2	1,6	0,9
Италия	1,5	0,8	-0,9	2,2	2,8	0,7	1,9	1,4	1,9	3,6	1,8	0,3	0,0	1,1	0,0
Россия	-5,0	-14,5	-8,7	-12,7	-4,1	-3,6	1,4	-5,3	6,4	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4
Канада	-2,1	0,9	2,3	4,8	2,8	1,6	4,2	4,1	5,5	5,2	1,8	3,1	2,0	2,9	3,0
США	-0,2	3,3	2,7	4,0	2,5	3,7	4,5	4,2	4,4	3,7	0,8	1,6	2,7	4,2	3,5
Япония	3,4	1,0	0,2	1,1	1,9	2,6	1,4	-1,8	-0,2	2,9	0,4	0,1	1,8	2,3	2,7

Примечание. Источник: UNECE Statistical Division Database (CIS, EUROSTAT, IMF, OECD).

редь воспроизводится современным укладом развитого капиталистического общества.

В подтверждение последних слов выступает прогноз грядущего дефицита пресной воды в мире примерно к 2035 г.⁵, что станет серьезным фактором социально-экономической неустойчивости и ограничителем экономического роста.

3. КАЧЕСТВО МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И ИХ СВЯЗЬ С ПОЛИТИКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Безусловно, важна связь между макроэкономическими решениями Правительства и тем, как они сказываются на самом росте — его темпе и качестве. В этом смысле можно представить следующий анализ. В 2005 г. профицит федерального бюджета достиг уровня в 11 % ВВП, в 2006 г. — существенно более 6,7 %, в 2007 г. ожидается около 6 %.

Это по существу говорит о том, что вывоз из страны капиталов, характерный для 1990-х гг., в настоящее время осуществляется через бюджетный механизм и финансовую политику государства. По крайней мере, в цифровом выражении он эквивалентен росту — 5—6 %.

В связи с этим можно утверждать, что Россия неэффективно распоряжается плодами экономического роста, поскольку 1,5-кратное превышение доходов над расходами не только притормаживает сам рост, но и выступает фактором, усиливающим сырьевую зависимость страны, т. е. не способствующим позитивным структурным изменениям. Если в 2005 г. максимум доходов от продажи нефти и газа составил 40,7 % ВВП, то в 2006 г. доля нефтяных и газовых доходов в госбюджете составляла 50,3 %.

Если посчитать средний темп спада и роста для России соответственно за семь лет спада и восемь

лет роста, то получим спад со среднегодовым темпом 7,7 %, а рост со среднегодовым темпом 6,0625 % (см. таблицу). При росте с такой средней скоростью удвоение ВВП по отношению к 1999 г. произойдет не ранее, чем к 2014—2015 гг., но никак не к 2010 г.

Интерес вызывает то обстоятельство, что, демонстрируя самый высокий темп роста среди стран «большой восьмерки», Россия сократила свою долю в мировом ВВП (по оценке ООН к мировому объему ВВП в международных долларах США 1990 г.) с 4,3 до 2,6 % соответственно с 1990 по 2005 г. А вот доля американской экономики увеличилась за тот же период с 24,4 до 27,3 %. В целом же доля стран «большой восьмерки» в мировой экономике, оставаясь определяющей, за указанный интервал все-таки незначительно сократилась с 65,6 до 63,2 %. В то же время доля Китая и Индии возросла соответственно с 1,7 до 4,6 % и с 1,4 до 2,2 %. Таким образом, ряд стран, обнаруживая высокий темп экономического роста, одновременно наращивают свое влияние в мировой экономической системе (Китай), то же относится и к странам, которые показывают заметно более низкий темп роста (США, Южная Корея). Россия серьезно снизила свою долю в мировой экономике, что охватывается как фазой спада, так и экономического роста, который, тем не менее, не привел к существенному увеличению этой доли.

В стратегическом планировании важнейшей проблемой выступает возможность предвидения будущего и определение диапазона планирования. Цель такого планирования состоит в необходимости осуществления эффективного управления экономическими изменениями. А его результатом обычно выступают новые продукты, технологии, рынки, а также их комбинации и институты. Существующие классические подходы к разработке стратегии развития экономической системы упускают из виду инерцию изменений, как бы выводя ее из системы плана и его реализации. Более того,

⁵ В частности, такие оценки даются Институтом водных проблем РАН.

стратегический и тактический планы выступают своеобразными рычагами этих изменений, определяющих характер функционирования экономической системы. Следует иметь в виду, что планирование, стратегия есть эволюционирующий вместе с системой элемент, а не экзогенный фактор ее развития, воздействующий на систему извне. По этой причине разработка стратегии развития любого уровня экономики и подготовка плана должны включать имманентные особенности эволюционного процесса данной системы на всех ее уровнях.

В этом смысле происходит преобразование этапов решения стратегических проблем, ранее включавших в себя осознание необходимости решения проблемы; формулировку вариантов их решения; оценку вариантов по критерию привлекательности; процедуру выбора одного или нескольких вариантов. В названную схему добавляется еще один этап: выявление закономерностей эволюционного процесса системы и оценка потенциальной эффективности происходящих — управляемых и не управляемых — изменений. Крайне важно рассматривать развитие экономики и подготовку макроэкономических решений в постановке задач проектирования системы. Это позволит применять методы разрешения проектных ситуаций и проблем.

Если применить стратегический образ мышления к решению задач развития российской экономики, то станет понятно, что вполне может существовать связь между задачей снижения темпа инфляции с 10—12 до 7 % и замедлением темпа экономического роста.

Интересно отметить следующую особенность: за последние три года при росте объема Стабилизационного фонда, вбиравшего в себя излишки нефтедолларов, темпы инфляции либо росли, либо незначительно снижались (во всяком случае, медленнее, чем было запланировано). Такую закономерность можно наблюдать и в 2005—2006 гг. Это первый симптом и указатель на то, что природа инфляции в России не является сугубо монетарной. Она определяется созданными институтами и структурами, а меры по ее сдерживанию лишают эти институты и структуры необходимого денежного потока в единицу времени, тем самым затрудняя возможности роста и структурных изменений.

4. «СТРУКТУРНЫЙ ПАРАДОКС» В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

К сожалению, не проблема экономического роста как такового и удвоения к 2010 г. ВВП является на нынешнем этапе развития российской экономики центральной.

Так, рост инвестиций в основной капитал, а также общий рост инвестиционной активности в

России за последние пять лет осуществлялся по сути убыточной промышленностью и был направлен на воспроизведение высокого в количественном отношении темпа роста. При этом качество структуры промышленности и эффективность функционирования промышленных организаций сокращались. Здесь могут быть два варианта: то ли относительно высокий темп роста поддерживался благодаря этому сокращению, то ли концентрация инвестиционного ресурса не приводила к должному результату, т. е. наблюдался рост «вхолостую».

Таким образом, инвестиции в целом не решали задачи модернизации экономической структуры страны. Поэтому выход видится в необходимых системных корректировках направленности инвестиционного процесса, который будет обеспечивать меньший количественный темп роста, но создавать эффективные хозяйственные структуры.

Основными факторами, сдерживающими инвестиционную активность, выступают: недостаток собственных средств, недостаточный спрос на продукцию, высокий коммерческий процент по кредиту. Как видим, порочный круг замыкается: недостаток собственных финансовых средств — это главный тормозящий фактор инвестиционной активности, и именно около 70 % финансирования инвестиций приходится на собственные средства. Структура же затрат в реальном секторе экономики за 2000—2006 гг. не изменилась: около 70 % в ней составляют материальные затраты и только 15 % приходится на заработную плату. Именно в этом и состоит структурный парадокс: инвестиции в основной капитал растут на протяжении всего периода и довольно ощутимо, а базовые пропорции в экономике и промышленности не меняются, причем эффективность промышленной системы даже снижается.

Совсем иную картину представляет, в частности, растущий Китай, где промышленное производство за 2006 г. возросло на 14,7 %. Более того, правительство прилагает специальные усилия для того, чтобы снизить темп роста, потому что его не может выдержать имеющаяся в наличии несовершенная структура экономики, да к тому же просто не хватит ликвидности для его поддержания (проблема устойчивости). Кроме того, китайский экономический рост имеет совсем иное содержание и качество, чем в России. Китай ускоренно развивает отрасли высокотехнологичного комплекса, активно реализует программы по развитию энергетики будущего, современной микроэлектроники. С этой целью применяется «дедовский» способ заимствования технологических достижений других стран, в том числе и России, изучение технологий, освоение их основных элементов и дальнейшее прогрессирование, т. е. развитие и наращивание научно-технических результатов в рамках конкретной технической системы или технологии. Такое поведение китайских фирм поощряется на

правительственном уровне, и для этого создаются все возможности, а избыточный трудовой потенциал позволяет реализовывать нововведения и тем самым двигать вперед китайскую науку и технику.

В России подобные методы не применяются, а результат роста не показателен, потому что не опирается на научно-технические достижения. В данной сфере никакого осязаемого движения вперед не наблюдается. По-прежнему, как уже на протяжении многих лет, определяющей для нашей страны выступает проблема качества экономической структуры и роста, обеспечения «правовой эффективности» хозяйствования.

В российской экономике по-прежнему, помимо высокой доли взаимных долгов, наблюдается высокая рискованная нагрузка в реальном секторе при низкой, и даже сокращающейся, рентабельности производства и при несоизмеримо меньшей рискованной нагрузке в банковском секторе, одновременно при его более высокой рентабельности. Вне всяких сомнений, подобные «структурные парадоксы» должны устраняться законодательными решениями, причем на федеральном уровне.

Решение «структурной» проблемы должно состоять в системе макроэкономических мероприятий, которые бы распространялись и на микроуровне (взаимосвязь политики на макро- и микроуровне) и позволили бы за обозначенный период времени осуществить выправление перекосов в рентабельности между секторами.

Необходимо разработать государственные требования к инвестиционным (кредитным) портфелям банков, поощряя рассредоточение средств банка между объектами различной рентабельности, исключая открыто и явно убыточные сектора, где необходимо участие государства. Известно, что предельные издержки в социально значимых секторах растут быстрее цен, что получило название «болезни цен». Этот, казалось бы, парадокс во многом объясняет, почему необходимо само государство и государственный сектор, потому что важнейшие блага просто не могут быть созданы механизмом классического рынка. Если в российской экономике возник межсекторный перекоп, когда больший доход приобретает с меньшим риском (банки) и наоборот (реальный сектор), то эта ситуация с точки зрения теории и есть результат своеобразной «болезни цен», охватившей экономическую систему, подверженную системному реформированию. Но тогда и действия, предлагаемые в рамках макроэкономической политики, должны отличаться от стандартных процедур и предложений.

Представляется, что необходимо рекомендательно задавать для банков монетарные диапазоны их кредитных портфелей, которые следует очерчивать соответствующими верхними и нижними уровнями процентных ставок, что позволит с течением времени выровнять показатели рентабель-

ности секторов путем изменения в распределении частного капитала и фактически навязать схему «большому доходу — большой риск». Эти монетарные диапазоны можно очертить, исходя из данных по средней рентабельности каждого рассматриваемого сектора экономики. К тому же инвестиции начнут приводить к росту рентабельности производственной системы, а не к ее снижению. Банки будут осуществлять свою деятельность в значимых для общества секторах экономики, а не перебрасывать свои кредитные средства исключительно в высокорентабельные сферы деятельности.

С одной стороны, это способно снизить общую рентабельность экономики, с другой, позволит сохранить важнейшие направления хозяйственной деятельности, важные с точки зрения долгосрочной перспективы. Осмысленный вид приобретет и отдача от внедрения достижений научно-технического прогресса. Конечно, важно продумать, как менять границы этого диапазона, учесть региональные особенности: может быть, эту схему следует предложить только для отдельных наиболее отстающих в развитии регионов. Конечно, придется очертить и те сектора, куда в первую очередь должны быть направлены инвестиции, окупаемость которых гарантируется федеральным Правительством.

В основном это должны быть производства высокой степени переработки, высокие технологии, отрасли, имеющие сильные позиции в экспорте и на внутреннем рынке, либо способные (стремящиеся) их создать, а также производства, способные осуществить импортозамещение. Речь идет о ядре реального сектора экономики. И важно понять довольно простую вещь: процент и политика процента должны стать инструментом к решению проблем на уровне макроэкономики, мотивом, формирующим поведение на микроуровне.

Такой подход создаст совершенно иные, более широкие, возможности в реализации инвестиционной политики государства. Более того, он способен у представителей банковской системы создать понимание того, что деньги нужно умело размещать, зарабатывать, что попытка «жить» только на трансакциях не принесет желанного благополучия. Оправданный риск нужен банкам, чтобы происходила концентрация банковского капитала, чтобы он работал на отечество, а не утекал за рубеж, чтобы существовала конкуренция между банками за объекты размещения своих кредитных портфелей в реальном секторе.

В конце концов, это позволит повысить эффективность развития экономической системы и осуществить конкретное управление структурными изменениями в нужном для страны направлении. Ожидать же, пока что-то само произойдет, либо устраивать реформирование, по существу поверхностное, представляется стратегией, обрекающей страну на отсталость.

В этом ключе весьма обнадеживающе выглядит заявление премьер-министра России о том, что долгосрочный экономический рост в России будет базироваться на инвестиционной и инновационной составляющих, причем для этого государство будет увеличивать капитализацию таких финансовых институтов, как Инвестиционный фонд, Венчурный фонд и Банк развития.

Безусловно, реализация такой стратегии с учетом обозначенных в данной статье аспектов позволит сохранить позитивные тенденции роста первого квартала 2007 г. (рост ВВП — на 8,4 %, обрабатывающих производств — на 15,7 %). Однако долгожданная мера — повышение минимальной заработной платы — будет воспринята экономикой как должная (ожидаемая), поэтому может оказать неблагоприятное влияние на изменения производительности.

Кроме того, выбранный Правительством курс на дальнейшую масштабную приватизацию, когда готовятся к продаже в 2008 г. 557 государственных акционерных обществ и 573 федеральных государственных унитарных предприятия, с необходимостью приведет к сужению возможностей развития государственного сектора без очевидного повышения эффективности приватизируемых объектов. Как минимум, часть активов этих объектов, как показывает анализ опыта приватизации в России, будет потеряна либо вывезена за рубеж, а эффективность вновь образованных частных фирм и компаний ничем не гарантирована. К тому же совершенно не ясно, как сработает приватизация одновременно с реализацией плана вступления России в ВТО. Очевидно, что вероятность конкурентного поражения вновь образующегося в ходе приватизации частного сектора довольно высока.

Для осуществления структурных маневров и действительно решения проблемы организации инновационного, а не сырьевого роста, России требуется оптимизированный состав госсектора, нужно работать над его расширением и эффективностью входящих в него организаций, поскольку именно этот сектор был разрушен в 1990-х гг. и оставлен без особого внимания к проблемам его эффективности в период роста 2000—2006 гг. Пренебрежение указанными задачами, лежащими на поверхности экономического анализа, не приведет к разрешению «структурного парадокса» российской экономики, который останется главным якорем экономического развития России в обозримой перспективе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восстановительный рост экономики России в 1999—2007 гг. не привел к изменению ее структурного качества. Подобный рост в условиях 60—80 %

износа основных мощностей в обрабатывающих отраслях при отсутствии достаточного кредитования промышленных предприятий отечественными банками, мягком государственном контроле тарифов на транспортные перевозки и потребление электроэнергии, цен на топливо только усиливает необходимость воздействий на структуру экономики и создает первичную основу для их формирования. Однако политика структурных изменений может быть эффективной при условии максимальной сопряженности с методами макроэкономического регулирования. При этом она с большой вероятностью может привести к замедлению темпа экономического роста. Планирование такой политики необходимо для решения задач долгосрочного характера при имеющихся ограничениях и возникающих эффектах, которые ранее отсутствовали.

Научно обоснованный стратегический курс развития российской экономики, безусловно, предполагает наличие целевых установок на повышение уровня и качества жизни, ориентацию мер государственной экономической политики на развитие человека как основной движущей силы хозяйственных изменений.

Названные целевые установки стратегии должны быть воплощены посредством развития конкурентного соперничества, создания адекватных форм государственного и социального регулирования, совершенствования рыночной инфраструктуры и институтов. Государственное регулирование должно быть активным и действенным в создании условий по преодолению уже сформировавшейся сырьевой направленности развития экономики и противодействию деградации основного и человеческого капитала как основы, обеспечивающей конкурентоспособность национальной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грефа* тревожит рост заработной платы россиян // Известия. — 2007, 19 апреля.
2. *Сухарев О.С.* Экономическая методология и политика реструктуризации промышленности. — М.: Академия наук о Земле, 2001. — 180 с.
3. *Ослунд А.* Рентоориентированное поведение в российской переходной экономике // Вопросы экономики. — 1996. — № 8. — С. 99—108.
4. *Marchal J.* The Construction of a New Theory of Profit // American Economic Review. — 1951. — Sept. — P. 550.
5. *Бэпп Р.* Политическая экономия. — М: Международные отношения, 1996. — Т. 2.
6. *Новости в мире* // 22 октября 2004 г. (www.newsru.com).
7. *Там же*, 16 октября 2006 г.
8. *Капица С.П.* Информационное общество и демографическая революция. — М., 2001.

☎ 8-916-234-84-35, e-mail: o_sukharev@list.ru

Статья представлена к публикации членом редколлегии Р.М. Нижегородцевым. □